

К Сорокалетию архипастырского служения митрополита сурожского Антония

Есть жизни короткие и насыщенные до предела – больше не вместить, есть долгие и пустые, как дорога в степи... Когда всматриваешься в жизнь митрополита Антония, дух захватывает от того, сколько же может уместиться в одну судьбу – Лозанна, Тегеран, Вена, Париж, Лондон, эмиграция, оккупация, Сопротивление, биологический и медицинский факультеты, языки: русский, французский, персидский, испанский, итальянский, немецкий, голландский; хирургия, монашество, священство, одного только епископского служения 40 лет! Но вот парадокс – при ежедневной из десятилетия в десятилетие переуплотненности событиями – общее чувство внутреннего простора жизни. И несмотря на дипломатические гены, никакой внутренней дипломатии с самим собой – только правда. Простор и правда. «Когда я взываю, услышь меня Боже правды моей! В тесноте Ты давал мне простор» (Пс.4,1).

Поздравляя сегодня владыку Антония с сорокалетием архипастырского служения, публикуем его беседу «Духовность и душевность», перевод которой любезно предоставлен давним другом нашего журнала Еленой Львовной Майданович.

ДУХОВНОСТЬ И ДУШЕВНОСТЬ

БЕСЕДА С ПРАВОСЛАВНЫМИ СВЯЩЕННИКАМИ

Финляндия. Куопио. Август 1974г.

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ

Когда речь идет о духовности и душевности, эти области часто путают. Если спрашиваешь людей об их духовной жизни, очень часто в ответ они описывают свое душевное состояние, как будто вся духовная жизнь может быть выражена физическими и психологическими проявлениями. Однако если обратиться к Священному Писанию, мы видим, что с самого начала истории человечества совершенно ясно определены две области: дух и плоть. А между ними находится область человеческой душевности, человеческая душа, очень напоминающая сумерки между тьмой и светом. Эта область человеческой личности наиболее трудна для понимания и выражения в терминах духовной жизни. Словами определить пределы душевной области, духовной и телесной области очень трудно: у нас есть вполне определенный опыт того, что происходит в нашем теле, в нашем уме, сознании, в наших эмоциях, но только немногим ведома область духа. Вы, наверное, помните место Послания апостола Павла, где он говорит, что духовный знает все, судит обо всем, а о нем судить никто не может. У нас бывают мгновения непосредственного духовного опыта, но большей частью этот опыт подобен молнии среди ночной тьмы. Свое тело и душу мы рассматриваем как нечто естественное и привычное. Но все, что происходит в области духа, там, где человек встречается с Богом, но и с сатаной, отражается на нашем телесном и душевном составе.

Аскетическая традиция считает область телесности гораздо более надежным путем к пониманию того, что происходит в духовной области, чем душевность. Духовный опыт достигает нашего тела и, подобно тому, как Божество Христа исполняет тело Его воплощения, так благодать Божия преображает наше тело. Этим объясняется, почему в житиях святых описываются подвиги – ради стремления довести до нашего сознания, насколько глубоко человек был укоренен в Боге и жил благо-

датель Божией. Мы видим невообразимое воздержание святых, их невероятные бдения; они принуждали свое тело к тому, что совершенно недостижимо для нас. Эти описания не имеют целью поразить нас физическими достижениями святых; это просто способ косвенно указать, что святые настолько полно жили в Боге, что не нуждались почти ни в чем земном. Но аскетическая традиция предостерегает нас от опасности, заключенной в душевности. Душевность – область воображения, фантазии, ложных толкований; именно эта область нуждается, чтобы ее очистил, просветил Бог, заполнил Собой; наше дело – открыть Ему доступ путем собственной трезвости, путем неустанной борьбы с воображением. И, тем не менее, мы должны жить с той душой, той душевностью, какая у нас есть, мы не можем познать ни Бога, ни благодать, ни многие взаимоотношения иначе, как на этом уровне.

Порой наша душевная жизнь может быть поражена болезнью. И тогда перед многими встает вопрос: возможно ли при помраченном сознании иметь подлинную духовную жизнь?

Отец Иоанн Кронштадтский говорит в своем дневнике, что когда Бог видит душу слишком хрупкую, неспособную вынести грубость мира, Он допускает, чтобы между душой и миром пала как бы пелена. Мы это называем «душевной болезнью». Но за пеленой продолжается общение между Богом и живой человеческой душой. Я не думаю, что такое объяснение пригодно в любом случае. Но много лет назад один пример, подтверждающий это, произвел на меня очень сильное впечатление.

Во Франции был молодой человек, замечательно талантливый художник; он стал постепенно сходить с ума. У него были галлюцинации, его внутренний мир лишился чувства реальности; его родных и друзей очень смущал тот факт, что он, глубоко верующий человек, в этом своем новом состоянии стал хулить Бога. Мнения о том, что с ним делать, разделились. Наиболее благочестивые люди и часть духовенства считали, что все разрешится отчитыванием, елепомазанием и причащением. Я, хотя был вполне верующим человеком, считал, что он нуждается в медицинском вмешательстве. Когда все религиозные средства были испробованы и не дали результатов, его поместили в больницу. Он провел там несколько лет в состоянии полного помрачения ума. Болезнь его выражалась потерей религиозности, полным отрицанием Бога; его друзья опасались за его вечную участь. Через некоторое время он поправился, и мы обнаружили, что он не только сохранил веру, какая у него была до болезни, но что он духовно созрел по сравнению со своим прежним состоянием. За этой пеленой душевной болезни он действительно сохранял связь с Богом. Возможно, его богохульство, его потерю Бога, отход от религии в болезни можно объяснить, если понять, что всем нам приходится участвовать в напряженной, порой яростной борьбе между добром и злом. В нормальном душевном состоянии мы способны справляться с этим борением, и люди вокруг нас не осознают, насколько глубоко мы внутренне поражены. Но когда под натиском этой борьбы в

сознании способность сопротивления человека рушится, борьба становится явной взору всех. И то, что у большинства людей происходит в глубинах души, внезапно бывает явлено взору окружающих. Но при этой внутренней борьбе добра и зла, несмотря на зло, у нас сохраняется глубокое общение с Богом. Наряду с этой ужасной внешней обезбоженностью сохраняется очень глубокая связь с Богом.

Оставляя этот пример в стороне, я хотел бы указать вам, что в Православной Церкви есть чин святых, которых называют «юродивые во Христе». Если исследовать жизнь каждого из этих людей, мужчин и женщин, которые с точки зрения мира были безумны, вы увидите, что они делятся на две категории. Часть из них были людьми выдающегося ума, но по той или другой причине хотели казаться безумными. Скрываясь за мнимым безумием, под его покровом, они могли иметь глубокую потаенную жизнь с Богом, жизнь, в которую никто не мог проникнуть, вторгнуться: и их духовная жизнь была защищена от нападков бесовской гордыни теми унижениями, которым они постоянно подвергались от людей.

Есть другая категория «Христа ради юродивых». Это люди действительно больные душой, умалишенные. Но и это не препятствовало им любить Бога, знать Его и избрать путь унижения ради того, чтобы следовать за Христом в Его кенозисе, идти путем Его уничижения. И эта мысль – что даже помрачение ума не может разделить нас от Живого Бога – несет вдохновение и утешение.

Священник не всегда может быть профессиональным психиатром, но священник должен по крайней мере достаточно интересоваться тем, что происходит с людьми вокруг него, чтобы иметь какие-то познания о том, как проявляется душевная болезнь. Когда душевнобольной человек оказывается верующим, его душевное состояние отбрасывает тень на все, в том числе на его жизнь в Церкви. И очень важно, чтобы священник был в состоянии различить, где болезнь, а где подлинный мистический опыт.

В качестве иллюстрации я приведу два примера. К одному из наших старых священников во Франции пришел человек и дал полное описание духовного состояния, которое характеризуется как «помрачение души». Этот человек считал себя одним из великих мистиков современности, и был оскорблен, когда старый опытный священник сказал: «Сходите к врачу, это у вас больная печень».

А другой случай я помню сам. Ко мне прислали молодую монахиню из одного англиканского монастыря. У нее было душевное расстройство, которое не могло быть исцелено простой беседой. Ее послали к психиатру, но он, верующий человек, отказался лечить ее. Он сказал, что это не душевное расстройство, а духовная проблема. Когда эта молодая монахиня стала описывать свое состояние, я ее остановил и сказал: «Подождите, я могу довершить, что вы собираетесь рассказать». Я взял «Подвижнические слова» святого Исаака Сирина и прочел ей полное описание того, что она собиралась сказать мне. И я смог ей помочь,

потому что Исаак Сирий, после описания этого состояния, поясняет, что надо делать в таком случае.

Как я уже сказал, очень важно, чтобы священник умел различить болезнь и духовный опыт. Причина, почему душевную и духовную область смешивают, в следующем. Для того, чтобы говорить с другими о духовном опыте, нам приходится пользоваться словами, относящимися ко вне-духовной области. Когда мы хотим говорить о Божественной любви, нам приходится говорить о любви человеческой. Когда мы хотим описать отношение святого к Богу, мы употребляем такие слова, как «страх» – и это обманчиво, потому что этим же словом мы обозначаем нечто совершенно отличное от того благоговейного поклонения, какое свойственно святому. Это указывает нам, почему область психики почти всегда, за исключением великих святых, дает нам искаженную картину, как бы карикатуру того, что происходит в душе.

Я могу пояснить то, что хочу сказать, следующим образом. Поверхность озера может отражать небо, берега, деревья и дома на берегу при условии, что на поверхности воды нет ряби. Когда озеро совершенно спокойно и прозрачно, отражение точно. Но достаточно легкой ряби, достаточно мошке задеть на лету поверхность воды – и вся отраженная картина неба и земли искажается. Именно поэтому духовные наставники предостерегают нас: никогда не следует судить собственную духовную жизнь или духовную жизнь других людей по психологическим ее следствиям. Именно поэтому нас учат при молитве никогда не давать волю воображению, учат не поддаваться чувствам, эмоциям, потому что цель нашего предстояния перед Богом – стать настолько устойчивыми и прозрачными, что это позволит жизни Божией достичь до нас через двойственную, туманную область нашей душевности.

У меня нет времени объяснять, каким образом тело может быть использовано как гораздо более надежный критерий, чем состояния души. Но если взять все учение Церкви относительно телесных упражнений и телесных результатов молитвы Иисусовой, можно обнаружить, что тело – нечто, что не обманывает и не лжет. Тело и дух – вот две крайние и надежные точки опоры в борьбе за молитву и духовную жизнь.

Перевод Е.Майданович